

В. В. ГЛУЩЕНКО

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НА ПРИМЕРЕ РИГВЕДЫ

Используя некоторые результаты лингвистического анализа древнейшего литературного памятника, автор применяет к ним концепцию начала человеческой истории советского профессора Б. Ф. Поршнева и раскрывает особенности мифологического сознания.

Ключевые слова: мифологическое сознание, суггестия, ритуал, палеопсихология, начало человеческой истории.

Ригведа (РВ) – один из древнейших и при этом достаточно хорошо изученных памятников культуры, позволяющих наблюдать многие особенности мифологического сознания. Мы попытаемся показать их, используя материалы крупнейшего отечественного исследователя РВ, лингвиста Т. Я. Елизаровой. Общетеоретической базой, на которую мы переложим её лингвистические изыскания, нам послужит концепция начала человеческой истории Б. Ф. Поршнева [1].

«Основной для РВ является та система воззрений, которая получила название мифопоэтической модели мира. Суть ее сводится к тому, что природа в ней представлена не как результат переработки первичных данными органами чувств, а как результат их вторичной перекодировки с помощью знаковых систем. Это бывают разные семиотические системы, так или иначе связанные между собой и образующие единую универсальную систему» [2].

Здесь обратим внимание на вкраивающуюся путаницу: «результат переработки первичных данных органов чувств», это – рефлекс. (Общая схема рефлекса: восприятие сигналов из внешней среды – передача информации в центральную нервную систему и ее обработка там – реакция организма.) Но там, где речь идет о рефлексе, говорить о «воззрениях», разумеется, нельзя. «Вторичная перекодировка с помощью знаковых систем», а это прежде всего – речь, уже должна существовать к тому моменту, когда о «воззрениях» говорить будет можно, и «мифопоэтическая модель мира», таким образом, могла развиваться только вместе с развитием речи.

Читаем дальше: «Основным способом интерпретации мира в этой системе является миф. Как известно из работ К. Леви-Стросса, М. Элиаде и др., мифологическое мышление представляет собой особый тип, хронологически предшествующий историческому и естественнонаучному» [3].

Здесь мы бы сказали: вообще, всякому мышлению. Первобытное мышление формируется вместе с развитием мифологии, но по отношению к нашему современному мышлению, к тому, что мы привыкли называть «мышлением», это – «антимышление». В изначальной суггестивной психике мышление невозможно; есть эмоциональные состояния и связанные с ними ритуалы, которые означают «слова», но не наоборот, как это было бы привычной для нас. Слово ничего не означает, отношение «знак – денотат» перевернуто. Мысли,

смысла первобытная речь не содержит. Смысл и отражающее его мышление появляются по мере развития и усложнения общественных отношений, когда единая суггестия родовой общности сменяется множеством суггестий различных пересекающихся друг с другом общностей, другими словами, когда возникает контрсуггестия [4]. Таким образом, мифология является «идеологическим» отражением процесса развития и усложнения родовых связей, и мифологическое мышление обязано своим появлением ему.

Далее: «В основе этого мышления лежат космологические схемы, с которыми соотносятся все события и явления актуального мира, трактуемые как воспроизведение некоего прецедента, имевшего место «во время оно». При подобном подходе миф или квазиисторическое предание неразрывно сочетают в себе синхронию и диахронию: рассказ о прошлом, о прецеденте, и трактовку настоящего события. Миф, таким образом, не являясь только сообщением о далеком прошлом, проходит через поколения: от предков к современникам данной эпохи и далее в будущее к их потомкам – понятие преемственности поколений очень важно для этой системы взглядов.

Эта модель мира предполагает тесную связь, изоморфизм макрокосма и микрокосма. Космос и ритуал регулируются одним и тем же законом, и ритуал призван поддерживать порядок не только в человеческом обществе, но и в космосе. Все временные, пространственные и этические ориентиры человека определяются космосом.

Для мифопоэтического сознания характерна выработка системы двоичных различительных признаков, бинарных оппозиций, с помощью которых усваивается окружающая действительность. При этом одно и то же содержание может передаваться средствами разных кодовых систем, что вызывает необходимость установления соотношений между ними и выработки классификаций» [5].

Здесь снова становится возможна путаница из-за применения к мифологическому сознанию понятия «содержание», которое в нашем понимании прямо противоположно тому, что являлось содержанием мифологического мышления. Мифологическое мышление, хотя внутри него и накапливаются предпосылки контрсуггестии, само по себе все еще суггестивно, а значит вещи обозначают слова. Правда, в отличие от «пралогического мышления» (Леви-Брюль), здесь уже есть мышление

– своя «мифология». Уже сама цикличность мифологического времени, повторяемость событий, подразумевает, что непрерывно меняющийся круг вещей (т. е. предметов, событий и явлений), проходит отбор на соответствие слову: по тем или иным признакам в нем узнается тот или иной миф. Объект познания не единичен, каким он был в самом начале человеческой истории [6], и это дает пространство для развития понятий, но он словно вывернут наизнанку: субъективно познаётся не он, а отражающийся в нем миф. Конечно, такое мышление – «антимышление». Субъективно первобытный человек не познает мир, перекодируя его в слова, а узнает знакомые ему слова в окружающем его мире. Действительный объект познания (непознанное) от него ускользает, пока действительность не сталкивает его с ним нос к носу. И хотя социальный опыт, всё же, накапливается, «мифопоэтическое» оформление этого опыта малопригодно для стимулирования прогресса. Правда, сохраняющаяся тесная связь с природой (хотя и уже на основе антагонизма) ставит первобытное общество в зависимость от сохранения экологического баланса, так что одно дополняется другим очень кстати.

Но вернемся к ариям, которые из такого социального гомеостаза оказались вытолкнуты на большую дорогу, по всей видимости, как раз резким нарушением экологического баланса – не по своей вине, а, как утверждают некоторые исследователи [7], по причине извержения вулкана Санторин, вызвавшего глобальную экологическую катастрофу и сделавшего их прежний ареал на Южном Урале малопригодным для обитания.

«Похоже, что сам объем понятия «вещь» существенно отличался от того, что обычно для более поздних культур вплоть до современности. Для безрелигиозного сознания вещи – неотъемлемая принадлежность быта, они для человека и поэтому принципиально человекообразны; они конкретны, определены, устойчивы, неизменны (т. е. всегда равны сами себе), надежны, «реальны». В силу этих качеств вещи могут выступать как некая опора и/или как своего рода ориентиры, в соответствии с которыми человек строит и определяет свое жизненное поведение. Отчасти такая же позиция может быть присуща и религиозному сознанию, рассматривавшему быт как профанизирующееся оплотнение некоего идеального сакрального состояния, а вещи – как терминальные узлы неких цепочек, берущих начало в сущностях этого состояния. Древний индеец видел ситуацию иначе. Опору и ориентиры он искал не в своем быте, не в вещественно-материальном, не в преходящем, но в вневещном, в сфере идеального и сакрального, духовного, вечного, даже если оно, подобно Брахману, определяется апофатически – *neti neti* «не это (и) не то» (вещь же по аналогии должна была бы определяться противоположным образом – *iti-iti* «это (и) то», «так (и) этак» и т. п.). Поэтому подлинна и реальна не вещь, но это идеальное *neti neti*, а

степень реальности и подлинности вещи должна расцениваться в зависимости от того, какое место она занимает в цепочке, соединяющей «низкий» быт с «высоким» его прообразом. Именно это и предопределяет размытость границ между миром вещей и миром того, что вещью не является» [8].

Здесь, хоть и несколько петляя, исследователи Ригведы приходят в отношении сознания ариев к тому же самому выводу, что и палеопсихология Поршнева в отношении суггестивной психики [9]. В «*neti neti*» можно даже разглядеть маркер суггестии.

И, наконец, следующие важные для нас результаты анализа: «...в ведийском [языке], кажется, отсутствует слово, обозначающее вещь, что... скорее всего сигнализирует о некоей принципиально иной ситуации.

...имя, слово никоим образом не могут трактоваться как нечто внешнее и/или вторичное по отношению к форме-вещи, но обладают несомненным онтологическим статусом...

Все сущее, в частности, и весь «вещный» состав мира передаются Речью, более того, в мыслимом пределе не столько Речь оповещает о вещи, сколько вещь как нечто внешнее, как форма свидетельствует об онтологическом первенстве слова, имени, выводимого вон с помощью «формы», вещи. Этот «номиналистический» акцент, вероятно, и объясняет обилие употреблений обозначения имени – *nāman* при отсутствии общего названия вещи: имя (...), выведенное наружу, собственно, и образует вещь, порождает ее, вызывает к существованию, наличию» [10].

Итак, слова, обозначающего вещь, у ариев Ригведы, по всей видимости, нет, т. е. названия вещей (имена нарицательные) используются так, как будто бы это их имена (имена собственные). При этом они являются содержанием вещной формы (совсем как стоимость у Маркса), и в качестве общего названия вещи арии употребляют слово «имя».

Наконец, еще одна особенность мифологического сознания: «...вещь как «сделанная» (*kṛta-*, от *kar-* «делать») отсылает к деланию, делу – *kāṛman-*, которое в РВ практически всегда и в отличие от более поздних текстов обозначает или ритуал жертвоприношения или сакрально отмеченное ритуализированное деяние, действительно воспроизводимое, вспоминаемое или, по меньшей мере, имеющееся в виду в ритуале, или отчетливо осознаваемое космологическое действие» [11]. И немного далее: «...можно думать, что и в языковом сознании человека ранневедийской эпохи, и в определенной им модели мира *kāṛman-* «дело–деяние», одновременно и «ритуал», *kar-*, соответственно – «делать», «совершать» (в частности и, может быть, прежде всего – ритуал) и *kārtar-* «деятель», «совершитель» (и ритуала) в совокупности имплицитно и представление о результате этого «дела» – изделия, вещи (ср. позднейшее понятие кармы, сформировавшееся в результате процессов абстрагирования и спиритуализации исходного источника, еще сохранявшего память о связи со сферой конкретного и вещественного). Если эти соображения верны, то

все, что составляет объектную сферу глагола *kaḡ-*, должно в той или иной степени «овеществляться» при попадании в поле действия этого глагола. И это снова возвращает нас к роли ритуала и ритуальной «предыстории» вещей. Ритуал – дело (*káḡman-*), но и дело – ритуал (*káḡman*). И если вещь как «сделанная» результат дела – ритуала, то отблеск этого прошлого статуса и исходного локуса вещи должен еще сохраняться на «целом» ведийского вещного космоса» [12].

Первобытное общество строилось на ритуале, вне ритуала человеческих отношений не было. Если какие-то действия не регулировались ритуалом, то они оставались в сфере подчинения первой сигнальной системы (рефлексам). Поршневи-стам особенно важно не забывать об этом, потому как иначе появляется необходимость в «суггесторе». Но на самом деле суггестия (она же общность «мы») внушала ритуал и только его, и никакого другого действия, кроме предписываемого ритуалом, она внушать не могла – никакого произвола!

Конечно, у ариев РВ социальная организация была уже гораздо сложнее, чем у истока человеческой истории. Им уже известны не только «мы» и «они», но и «вы», «он», «ты» и даже «я». У них пока «военная демократия», и цивилизацию (Хараппскую) они не строят, а разрушают, но они стоят уже на пороге классового образования и государственности. И тем интереснее протянуть нити от них к истоку, и тем веселее находимые в анализе РВ лингвистами прямые и косвенные подтверждения палеопсихологической теории Поршнева.

V. V. GLUSCHENKO. MYTHOLOGICAL CONSCIOUSNESS FOR EXAMPLE RIGVEDA

Using some of the results of the linguistic analysis of ancient literary monument, the author applies the Soviet Professor B. F. Porshnev's concept of the beginning of human history, and reveals features of mythological consciousness.

Key words: *mythological consciousness, suggestion, ritual paleopsychology, the beginning of human history.*

В. И. ЛЯХ, Е. А. ШИНКАРЕВА

МАЙЯ ПЛИСЕЦКАЯ И РОДИОН ЩЕДРИН: ШТРИХИ К СЕМЕЙНОМУ ПОРТРЕТУ

В статье анализируются некоторые этапы жизненного и творческого пути Майи Плисецкой и Родиона Щедрина, чей творческий союз соединил не только их чувства, но и общее дело: музыкальное творчество и балет.

Ключевые слова: *М. Плисецкая, Р. Щедрин, творческий союз, искусство балета, творчество композитора.*

Семейному союзу звезды мирового балета Майи Плисецкой и композитора Родиона Щедрина 2 октября 2013 года исполнилось 55 лет. Выбрав себе в жены великую балерину своего времени, Щедрин создал не только крепкую и дружную семью, но и великолепный творческий союз, соединивший не только их чувства, но и общее дело: музыкальное творчество и балет.

История знакомства этой чудесной пары уникальна. Впервые Родион Константинович узнал о

Литература

1. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб., 2007.
2. Елизаренкова Т. Я. Мир идей ариев Ригvedы // Ригvedы. Мандалы V–VIII. М., 1999. С. 452.
3. Там же.
4. Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. [Сборник статей.] М., 1971.
5. Елизаренкова Т. Я. Там же. С. 452–453. Курсив – В. Г.
6. И каким, «вывернувшись», окажется в конце. См.: Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). С. 477.
7. Клёсов А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? Ответ даёт ДНК-генеалогия. // Libma.ru. URL: http://www.libma.ru/istorija/rus_prjajuye_potomki_ariiev/p5.php
8. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей по данным Ригvedы // Ригvedы. Мандалы V–VIII. С. 492. Курсив – В. Г.
9. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории ... С. 450–454.
10. Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мир вещей ... С. 496. Курсив – В. Г.
11. Там же. С. 496–497.
12. Там же. С. 500–501. Курсив – В. Г.

необыкновенной музыкальности Майи Плисецкой от ее коллег по театру, потом, в доме Лили Брик, слушая записи пения своей будущей жены, был поражен и заинтригован [1].

Природа наградила Плисецкую абсолютным музыкальным слухом, удивительной пластикой и чарующим обаянием. «Если бы у меня жена была певицей, я бы написал много вокальной музыки, как великий норвежец Григ, у которого жена была певицей. Сколько он написал гениальной вокальной